

Предисловие

О, как давно это было! Листва и даже деревья отжидали свой век, падали и, перегнивая, превращались в почву. Даже пыль, попадающая в пещеры, успела превратиться в толстый слой почвы. Но, на наше счастье, не всё успело стать прахом. И археологи, скрупулёзно вскрывая землю слой за слоем, по крупичкам собирают дошедшие до наших дней отголоски далёких эпох. Где-то сохранились останки скелетов, иногда находят лишь отдельные кости черепа, а порой за удачу раскопок можно считать единственный зуб или фалангу пальца древнего человека. В кропотливых трудах целых коллективов, шаг за шагом, год за годом коллекции находок пополняются, систематизируются, изучаются учёными различных направлений. Одни устанавливают возраст находок, а другие, как дотошные криминалисты, из чудом сохранившихся костных тканей выделяют ДНК. Кто-то воссоздаёт облик обладателя заветной косточки или пытается подвести научную основу под гипотезу, пока ещё спорную, но становящуюся неоспоримой.

Перенесёмся же из быстротечных и насыщенных событиями дней нашего техногенного мира в тот далёкий каменный век. Да и век ли он? В привычном нам понимании век — это всего лишь столетие. А каменный век затянулся на... миллионы лет! Следы деятельности самых отдалённых от нас эректусов найдены на рубеже двух миллионов

лет. Эректус — это человек прямоходящий. Заметьте, что именно человек, а не обезьяна. В процессе тех миллионов лет эволюции преобразалась внешность древних людей. Нет единого мнения о том, когда возникла речь. Но не оспаривается факт того, что в описываемый в повествовании период люди могли общаться словесно, дополняя речь жестами и мимикой. Период, отдалённый от нас на четыре с половиной десятка тысячелетий, примечателен ещё и тем, что в горах Алтая — практически в одном месте и в одно время — сошлись три ветви человечества. Кроманьонцы, прямыми потомками которых все мы являемся, не только выжили, но и заселили всю планету. Неандертальцев и денисовцев постигла участь вымирания. Но они не ушли бесследно — небольшая доля их ДНК есть в каждом из нас.

Во многом наши далёкие предки походили на нас. О чём-то они горевали или находили поводы и для мимолётной грусти. Жизнь была бы невыносима без радости. И поводы для проявления приятных чувств находились в аспектах повседневной жизни. Всякий мыслящий человек пытается заглянуть в будущее. И те архаичные люди не были исключением. Они, как и мы, не могли жить без мечты, хотя воображение не уводило их так далеко, как современных мечтателей. Но как знать, быть может, это несомненно было!

Отчий дом

Да, она была домом для многих поколений. Родившимся в ней малышам сразу имён не давали. До поры всех мальчиков называли словом «мон», а девочек — «мин». Позже, когда ребёнок в чём-то проявлял себя, ему давали имя. У некоторых это происходило при достижении четырёх, а кто-то без имени доживал до семи и даже до восьми зим.

Зоуло и его друзья обзавелись именами рано. Зоуло — то есть «любопытный», или «почемучка», как теперь называют большинство малышей. Он оправдывал своё имя и взрослея, оставаясь при этом заводилой мальчишеских дел, проводителем сверстников. И они не просто прислушивались к своему знающему вожаку, а доверяли практически во всех начинаниях, шли с ним даже тогда, когда становилось страшно.

Туно — имя, означающее «бесшабашность», «склонность к неоправданным рискам», — стало повседневным обозначением одного из ближайших друзей мальчишеского вожака. Будто в подтверждение имени, Туно продолжал вести себя так, что за ним постоянно требовался глаз да глаз, чтобы и подростком он не совершил что-нибудь непоправимое. Главное, что он привык к одёргиваниям и не обижался за это на предусмотрительных друзей.

И Саво был не таким, как все. Ко всем его характеристикам, он не выглядел простоватым мальчиком. Его хитрости, изворотливости и умения предугадать ситуацию хватило бы на троих. Нет, мальчишка не блистал искромётным умом, не был семи пядей во лбу, не обладал феноменальной памятью — он просто отличался от других своей хитростью. Потому-то и звался Саво, что означало «лис». Как и Туно, он был старше Зоуло на одну зиму.

Тавк — друг неразлучной тройцы, ни на шаг не отстающий от этих дружков. Не только ходил, но и делал он всё необыкновенно быстро. Уже через три зимы от рождения имя он получил за свою неугомонность, проявившуюся почти с рождения. Окружающие удивлялись, откуда мальчишка черпает необузданную энергию, которой с лихвой хватило бы на двоих или более. Он единственный в компании был старше своего вожака на две зимы.

Единственная девочка, которую приняли мальчишки в свою компанию, получила имя Сонх благодаря общению с дружным мальчишеским квартетом. Тихая и неразговорчивая, она попросила не прогонять её, разрешить быть рядом. Девочка пообещала не мешать в мальчишеских играх. Своё желание быть с ними она объяснила страхом уходить в одиночку далеко от жилища. Несколько раз прогнав тихую и незаметную попутчицу, мальчишки смирились с присутствием девчонки. Она сопровождала неразлучных друзей везде, как бы далеко ни уводило их влечение познать неизведанное. Попутчица же везде находила время для сбора цветов и трав. Этому бесполезному занятию долго никто из детей и взрослых не придавал значения, но через семь зим от рождения она стала Сонх — «травницей».

Несмотря на то, что он был тем ребёнком, который получил имя при рождении, этот мальчишка рос незаметным. Родился он богатырём и на несколько дней раньше Зоуло, но немного позже, чем Сонх. Если бы у пещерников того времени были весы, он весил бы около семи килограммов. Большеголовый, как все дети племени, малыш-богатырь рождался в муках. Либо при прохождении материнского таза, или «благодаря» усилиям повитухи, принимающей роды, он родился уродцем. Его череп оказался деформирован так, что на правой стороне ухо, глаз и часть рта оказались выше, чем на левой. Носик младенца повернут вправо. Оба глаза оказались выпученными, не моргающими. Самым ужасающим оказался звериный оскал, который не могли прикрыть детские губки. Женщины хотели умертвить похожего на зверёныша младенца, но Бахро, вождь племени в тот период, сказал:

— Такой крепыш должен жить. Он страшный, но вырастет сильным охотником и воином, защитником жилья и соплеменников, нас с вами.

Немного подумав, добавил:

— Если не озлобится на весь мир и на нас в первую очередь.

Эти слова вождя соплеменники приняли за указание не нервировать мальчишку. Непроизвольно вождь дал имя малышу. Соплеменники оставили без внимания слово «крепыш», но ухватились за слово «страшный» — Пнихо. Дети сторонились его. Они боялись Пнихо, наводившего страх своим видом.

Имя «крепыш» — Булут — шестью зимами позже рождения Пнихо получил другой мальчик. В свои пять зим он рос крепким, несмотря на то что босиком, как и его сверстники, бродил по лужам от растаявшего снега. И телосложением Булут не выглядел хилым. К компании Зоуло он примкнул в шесть зим, когда мальчишескому предводителю было уже семь.

Поначалу в детских забавах, придуманных обычно Зоуло, принимала участие вся мелюзга — мон и мин. Игры тогда не выходили за пределы пещеры — древнего дома племени, живущего одной большой семьёй. Удаляясь не

дальше второго поворота своей пещеры, уходящей куда-то в глубь горы, дети играли в прятки, догонялки, устраивали кучу-малу... Их не восхищали и не удивляли какие-либо особенности жилища. Они воспринимали существующее как само собой разумеющееся, неоспоримое и не требующее объяснений. Но уже тогда нашлись и те, кто значительно отличался от своих доброжелательных сверстников.

Молх в переводе на современный русский означало «вредный». Он на одну зиму моложе, чем Тавк. Если дети играли, то ему обязательно хотелось привнести в игру разлад, навязать свои правила игры, иногда даже небезопасные. Но это не означает, что недовольный игрой мальчишка был инициативным. Как только игроки теряли интерес к игре, он не мог повести за собой, увлечь каким-нибудь другим занятием. Неудивительно, что когда подросток Кукто, который младше его на две зимы, Молх попал под его влияние.

Кукто звался Тигр. Мальчик рос непомерно жестоким, как тигр, не щадящий свою жертву. Уступая в силе более старшим, он набрасывался на обидчика с тем, что попадало под руку. Бил этот мальчишка без намёка на опасение, что может покалечить своего противника. Даже тогда, когда нарывался на более сильного мальчишку, не выходил из драки. В таких случаях ему приходилось уползать с поля сражения.

Сулух, то есть «злой», носил волчье имя. Люди заметили, что волк, даже тяжело раненный, огрызается, скалит зубы, в злобе может наброситься на охотника. И это даже тогда, когда сам истекает кровью, доживает последние мгновения. Он был слабее Зоуло, хоть был ему ровесником. Необщительный мальчишка злился на других даже за то, что им весело, когда ему грустно, что они вместе, а он одинок. Кукто не обошёл нелюдимого своим вниманием, решил подчинить себе. Видя, что более младший мальчишка пытается им верховодить, Сулух долго противился этому.

— Снова волчонок с тигрёнком выясняют, кто сильнее, — говорили взрослые и принимались растаскивать дерущихся в разные концы жилого грота пещеры.

Тигр стал вожаком тройцы. И все они всячески пытались навредить компании Зоуло. Получая по заслугам, не

оставляли мысли поквитаться с кем-нибудь, когда те окажутся порознь. И так происходило раз за разом. Подходы к Пнихо искали недолго. Мальчишка знал о скверности характеров всех троих, но был рад, что хоть кто-то хочет дружить с ним. И всё-таки, несмотря на сближение с Кукто, он больше симпатизировал компании Зоуло. В первой же стычке группировок Пнихо не оправдал надежд компаньонов. Вместо того, чтобы драться на стороне Кукто, он пытался растаскивать дерущихся. Его дружки, которым досталось от соперников, хотели побить его. Мальчишки уже приступили к расправе, когда подоспевшие взрослые защитили убогого, разогнав драчунов. Они-то хорошо помнили наставление вождя относительно особенного мальчишки. Зоуло подошёл к оставленному дружками мальчику и сказал:

— Ты поступил здорово. Когда они вместе, все становятся жестокими злыднями и врединами. Ты, Пнихо, не такой, как они. Хороший! Жаль, что мы не можем взять тебя в свою компанию — Сонх боится тебя. Сегодня ты показал нам свою доброту, но одного раза для избавления от страха Сонх недостаточно. Уверен, что скоро её страхи пройдут, и тогда ты станешь нашим другом.

Кукто, увидев Зоуло около Пнихо, сообразил, что этого нового дружка надо не бить, а задабривать. Только так он постепенно перейдёт на те правила «игры», которыми руководствуются они сами. О своём выводе предводитель поведал компаньонам, потребовав от них не настраивать новичка против себя.

Более старшие дети играли в свои игры. Стены жилища стесняли их действия, заставляли выходить за его пределы даже зимой.

Пещерный учитель

Летом же все жители зимнего пристанища покидали пещеру. Они кочевали за стадами шерстистых носорогов, маралов и других травоядных, которых неустанно сопровождали стаи волков и гиен и даже тигры. Все хищники стремились урвать из мигрирующего стада свой лакомый кусок — травоядную жертву неопытности или беспечности.

Для защиты от зноя и дождя всех кочующих, не участвующих в охоте, устанавливалось несколько подобных переносных юрт. В них люди проживали не более недели. Когда стадо отдалялось, временные жилища переносились и обживались до следующего переселения. Чтобы защитить людей от хищников или завоевателей, вождь оставлял на стоянке нескольких воинов-охотников. Нападение родственных племён можно было исключить. Кроме людей сниспс, как называли себя те, кого мы именуем денисовцами, в преследовании мигрирующего стада участвовали и люди пливс, по-современному — неандертальцы.

Но Сибирь — не тропики. Лето на Алтае — пора короткая. Большую часть года людям приходилось жить в пещере. В морозы, ради сохранения тепла, людям приходилось жертвовать частью дневного света, завешивая шкурами выход из жилища почти полностью. Но вместе с дымом улетучивалась и часть тепла. Неудивительно, что в те времена люди отсчитывали годы, в отличие от нас, на зимы. Показывая на пальцах, человек говорил:

— Вот сколько мне зим!

Объясняли это они очень просто. Пережить лето, даже если оно сухое и жаркое, не трудно. А вот пережить зиму почти всегда проблематично. Летом, в случае неудачной охоты, можно забить живот травами, ягодами, съедобными кореньями или хвоей. Зимой мягкой съедобной лиственничной хвои нет. Как нет ничего, что можно было собирать растущее летом. От холода и нерегулярного питания зимой чаще болеют и умирают. Что такое зимы, знают даже мин и мон, неоднократно испытывавшие их тяготы «на собственной шкуре».

Жилище и племенной очаг в нём — это спасение и от морозов, и от стай голодных хищников. Потому-то его защищали, если находились бездомные претенденты другого племени занять родовой дом. За пару сотен тысячелетий пещера, ютившая теперь людей сниспс, бывала домом и для людей пливс, но возвращалась хозяевами, предками нынешних владельцев.

Зоуло и его друзья узнали об истории пещеры от Колса. Ещё в детстве жители пещеры заметили, что мальчишка хорошо видит то, что другие на расстоянии не различают.

Вот и получил он имя Колс, означающее «зоркий». И в преклонном возрасте, когда осталась дальнорукость, но силы покинули пещерника и в нём отпала надобность на охоте, он словно впал в детство — играя, ненавязчиво учил мальчишек премудростям взрослой жизни. Дед, проживший тридцать семь зим, удивлял всех тем, что ему удаётся видеть где-то далеко-далеко. Ребяшня, не веря словам старика, бегала вдаль, чтобы убедиться в правдивости сказанного. Точнее, они бежали с желанием уличить старца в неточности увиденного им, но каждый раз убеждались, что снова это невозможно.

Ещё раньше, Зоуло не помнит, сколько зим ему тогда было, его компания впервые оказалась за пределами пещеры. Вероятно, это произошло в его четыре зимы. Всех тогда поразило невиданное ранее зрелище. Прижавшись к скале, сидел медведь. Детям было страшно, но они осторожно приблизились к огромному зверю. Сидя без движения, гигант не рычал, не отпугивал любопытную публику. Осмелев, ребятня с опаской потрогала шерсть и остроту огромных когтей. До баловства дело не дошло. Уже тогда мальчишки знали, что медведь — зверь, уважаемый взрослыми. Вернувшись в пещеру, они поделились впечатлениями со взрослыми. Колс рассказал тогда о рыр — медведе на языке людей снисп:

— Этот рыр сидит здесь ровно столько, сколько зим сейчас Туно и Саво. Люди нашей пещеры знают его давно. Я был мальчишкой под стать вам, когда рыр впервые увидели недалеко от пещеры. Наверное, тогда он был совсем молодым, но вёл себя степенно. И до того дня наши люди преклонялись перед силой и покладистым характером этих лесных богатырей. Не делая лишних движений, вынесли из пещеры остатки от ужина, положили для рыр около скалы, там, где рыр сидит теперь. Кости какого животного, не помню. Да это и не главное. Рыр учуял съедобное и подошёл к подношению. Вскоре он привык к щедрости людей. Навещал нас, хоть и не был голодным.

— А что было потом? — поинтересовался Туно, когда старик прервал рассказ, чтобы собраться с мыслями.

— Потом он стал существом нашего поклонения и покровителем племени. Приметили, что после «свиданий» с нашим рыр охотникам сопутствовала удача, а ему

самому — богатый ужин. Ему стали подносить в качестве жертвоприношения охотников племени, когда кого-то из них приносили бездыханным. Храбреца усаживали спиной к скале с подогнутыми к подбородку коленями. Это стало традицией, которой удостаиваются только охотники и воины, лишившиеся жизни в бою с неприятелями. Никто не смотрел, когда и как рыр поедал жертву. Но при этом зверь ни разу не напал на живого человека. И так было до последнего дня жизни нашего покровителя.

— Разве рыр сидит не живой? — поинтересовался кто-то из малышей.

— В тот вечер наш любимец не пришёл, а приполз к пещере. Наверное, он надеялся, что люди помогут ему. Но никто не отважился приблизиться к великану даже на несколько шагов. Да и чем мы могли помочь ему, истекающему кровью? Когда рыр ушёл в мир тьмы, люди увидели следы драки до победного конца. Наверное, наш рыр победил ещё не старого и сильного тигра, но и сам пережил врага не надолго. Все сожалели, что схватка произошла на склоне лет рыр. Иначе он вышел бы победителем с не смертельными ранами. С мёртвого покровителя сняли шкуру, зашили её и набили сухим песком. Не менее тяжёлый, чем живой, рыр остаётся на месте при любом ветре. Ему так же приносят остатки еды и оставляют жертвоприношения. И так же, как при живом, никто не смотрит на поедание оставленного для рыр.

— А тех, кто уходит в мир тьмы от болезней, тоже приносят в жертву рыр? — спросил Тавк.

— Ему приносят только достойных — воинов и охотников. Остальных отдают птицам, поднимая на лабаз недалеко от пещеры, — был ответ старика Колса.

Так Зоуло и его друзья узнали о традициях поклонения покровителю и о расставании с уходящими в мир тьмы. Учитывая возраст рассказчика, получалось, что рыр жил около людей почти столько зим, сколько пальцев на руках и ногах рассказчика и на обеих руках одного из слушателей. После рассказа о рыр ещё три зимы люди поклонялись чуделу, приносящему удачу так же, как когда-то он живой покровительствовал им самим и убежищу. Об этом событии помнили не только взрослые, но и дети.

Под конец зимы стая голодных волков ночью напала на чучело рыр. Утром люди обнаружили волчьи следы, клочья растерзанной шкуры и песок, рассыпанный вокруг места «обитания» чучела и утоптанной стаей. Обнаружив невосполнимую утрату, люди будто осиротели. Племя лишилось покровителя. Плакали даже мужчины. Пытаться собрать и сшить клочки шкуры оказалось невыполнимым занятием.

Наступила седьмая зима Зоуло, когда произошло открытие невероятного. Совершенно случайно люди узнали... Впрочем, обо всём по порядку.

Вечером, не предполагая, что ночью будет заморозок, каменную чашу с остатками воды не занесли в пещеру. Утром на дне чаши обнаружили льдину. Подержав каменный сосуд около племенного пещерного костра, льдину небрежно вытряхнули. Но мальчишки не выбросили её за пределы пещеры, а принялись играть с ней. Зоуло вдруг заметил, что удерживающие льдину пальцы на той стороне, за льдиной, кажутся больше, чем есть на самом деле. Любопытный мальчишка стал смотреть сквозь прозрачный предмет на стены, лес около жилища и на других мальчишек. Что-то расплывалось, но кое-что удалось увидеть. Удивлению не было предела. Увиденное представало взору увеличенным. Переходя с места на место, мальчишки оказались на уступе скалы при входе в пещеру. Приветливо светило полуденное солнце. В лучах небесного светила можно было рассмотреть даже те подробности, которые в пещере были не видны. Тавк, в руках которого оказалась льдина, рассматривал волоски на своей ноге выше колена. Ситуация просмотра улучшалась ещё и тем, что за льдинкой на ноге оказалось светлое пятно. То приближая, то удаляя льдинку от ноги и от глаз, мальчишка вдруг взревел:

— Бон! Бон!

Мальчишки пытались понять, где Тавк видит огонь. Лишь вспомнив, что слово «бон» означает не только «огонь», а ещё и «горячо», стали проверять эмоционально пережитое их другом Тавком. Выяснилось, что когда светлое пятнышко за льдинкой становилось меньше и ярче, начинало прижигать именно то место тела, где было это пятнышко. Может быть, если бы среди мальчишек не было

любопытного Зоуло, игра с льдинкой очень быстро надоела бы и осталась без продолжения. Предводитель мальчишек продолжил испытания. Он направил яркую точку на кусочек лишайника, оказавшийся в пещере в начале зимы. К удивлению всех, полусухая пластинка сначала задымила, а потом вспыхнула. Колс, наблюдающий за вознёй детворы издали, был поражён увиденным ещё больше, чем мальчишки. И они удивлялись, что холодный ситих — лёд — может породить бон. Весь его жизненный опыт утверждал, что бон и пун (холод) — это несовместимые противоположности. Там, куда приходит бон, пун бесследно исчезает.

«Открытие мальчишек тем более ценно, что может иметь практическое применение, — размышлял старик. — Ребятня наигралась и рассталась с игрушкой. Надо прибереечь эту необычную льдинку. С другими-то кусками льда ничего подобного никогда не было. Прибереечь и показать другим взрослым. Полагаю, что Бахро оценит открытие».

Охотники вернулись не просто вечером, а после захода солнца. Заинтриговав всех необычным явлением, Колс предложил задержаться утром, чтобы увидеть лично, как холодная льдинка рождает огонь. Утром Бахро был поражён увиденным не менее остальных. Ему и пришла в голову мысль, что если бон умрёт, льдинкой можно возродить его даже зимой.

— Но лёд скоро растает, — возразила Куно, пожилая женщина, возраст которой приближался к тридцати зимам.

— Была бы чаша, делающая лёд необыкновенным, а найти воду и заморозить её — не проблема, — возразил вождь. — Даже согреть чашу теплом рук и дыхания, чтобы добыть и не повредить льдинку, мы сообща сможем. А это чудо из чудес заверните и закопайте в снег. Вдруг добыть бон придётся уже этой зимой.

Да, чаша, которая дном придавала льдинке выпуклость и совершенно ровную поверхность — с другой стороны, становилась равноценной сокровищу. Другим способом то, что мы называем линзой, пещерники того времени изготовить не могли.

Продолжение следует